

Люди из племени Добра

Новый сезон Томский драматический театр открыл премьерой «Из племени Кедр». Драматургической основой спектакля стала режиссерская композиция О. Афанасьева по одноименному роману А. Шелудякова.

Действие спектакля происходит в 50 – 70-е годы нашего века. Место действия – затерявшийся в бескрайних просторах томского севера поселок Улангай. Мощно и неторопливо катит свои воды Вас-Юган, но в каждом улангаевском доме после войны «незримой тенью прижилось тягостное предчувствие – деревня умирает». Улангаевцам хочется «увидеть иной день, когда стряхнут они неуверенность в долговечности родного села». И вот в это северное безмолвие приходят энергичные веселые люди – нефтеразведчики. Меняется жизнь, по-новому определяются судьбы людей.

Казалось бы, вот так, коротко, можно определить сущность «юганской истории», которая оживает на сцене. Но было бы слишком просто объяснить интерес к спектаклю только «краевым» патриотизмом. За кажущейся простотой зрителю раскрывается более ёмкое, многогранное содержание.

Определяющую тональность спектакля создает движение сценического времени. С давних пор живут на этой земле эвенки, потом пришли русские, Советская власть принесла свободу и чувство семьи единой. Теперь настали новые времена. Половодье промышленного освоения Сибири. Новые люди – герои и рыцари научно-технического прогресса, вооруженные мощной техникой и энтузиазмом, разорвали тишину ритмами времени и объединились в общих усилиях с людьми из племени Кедр – сибирскими аборигенами.

Еще немного – и реализуются грандиозные планы: встанут в прежде глухой тайге чудо-города, аэропорты, стрелы автотрасс. «И снова повторится все сначала: придет новая весна, новая молодость юганской земли. Только юность человека не повторится...». Не повторится жизнь тех, кто стоял у начала этого направленного исторического процесса: жизнь «великого охотника» Кости Волнорезова, художника Андрея Шаманова, доктора Лены, нефтеразведчика «Якоря», зоотехника Тани, «большого председателя» Сашки Гула и всех их сверстников.

История потом разберётся, у кого какие заслуги. А сегодня зрителю (в большинстве своем это молодёжь, дети и младшие братья тех, кто стал прототипами героев пьесы) важно понять не только то, что сумели сделать отцы и старшие братья, для чего они жили, а если погибали, то чего ради и что завещали сыновьям. Так тема спектакля переводится в нравственный аспект, и зрительный зал доверительно включается в происходящее на сцене.

Человеку не просто устроить жизнь по своему разумению. Общество внушает ему идеал, но воплотить его в жизнь бывает очень трудно. Такова история Кости Волнорезова. Для зоотехника Тани Костя – «таежный профессор, ясный ум – смелое сердце». Охотовед-биолог, он любит тайгу сыновней любовью, а дело свое делает так, словно, только от него и зависит счастье людей и общественный прогресс. («В наших руках, Танюша, судьба Улангая»).

Чтобы доказать возможность полувольного разведения баргузинского соболя на томском севере, Костя совершает невероятное – «ворует» в аэроклубе списанный самолет. Мы знакомимся с героем в тот момент, когда вызрела угроза суда и тюрьмы. Но зрителей вовсе не волнует вопрос: посадят – не посадят. Детектив здесь имеет побочный характер, он только придает живость и правдоподобие происходящему. Главное в Косте – творческое отношение к окружающему, защита народных интересов. Артист В. Субботин подчеркивает в своем герое внутреннюю собранность, обаяние, серьёзность. Он – создатель. Рядом с ним Андрониха, Соня, охотовед Малышев – потребители, в каждом из которых понемногу рассыпаны зависть, корысть, честолюбие.

Однако встреча двух разных взглядов на жизнь не носит в пьесе характера остродраматической схватки. Резкого столкновения нет, потому что не здесь смысловой узел пьесы. Костина программа соболеводства – это частное выражение главной мысли: тайгу надо беречь. Она уже давно не та, казавшаяся неисчерпаемой кладовая, откуда варвары разных времен вывозили горы мехов, обозы золота, тысячи пудов красной рыбы.

Тема преемственности культур, глубинной связи природы и науки по-своему раскрывается в образе Юганы. Образ этот в исполнении заслуженной артистки РСФСР Т. П. Лебедевой явился каким-то открытием спектакля. Актриса не отделяет художественные задачи от гуманистических. Югана – ёмкий в своём первородном значении образ женщины – жизнедарительницы, в душе которой горит чистый огонь материнства, а имя ассоциируется с понятиями «племя – род – Родина». Пусть некоторые особенности миропонимания последней женщины из племени Кедре вызывают веселый смех в зрительном зале и снисходительную улыбку друзей Юганы. Но в главном магнетизм её природы современен. Эта старая эвенкийка знает то, о чём только сегодня начинают говорить громко: утрата связей с природой равнозначна утрате духовности. Развиваясь только в качестве потребителя, человек утратит лучшие человеческие качества, потому что он – частица мироздания и все в нём – ум, совесть, красота – неотрывно от природы.

Эта тема развивается во всех гранях характера героини. Она – идолопоклонница, но вера её граничит с полным отсутствием религиозности, потому что основана на вере в свои собственные силы. Самые поэтические сцены спектакля те, где Югана беседует с Кедром. Но волнуют они не ритуальной стороной, а человеческим откровением личности, которой кровно дорого её земное, наполненное радостью и страданием бытие. А ко всяким атрибутам молитвослужения Югана относится прохладно: она может сурово наказать «обленившегося» бога Тугэта: может обмануть его... Естественность таких отношений прекрасно подчеркнута и в отличной мизансцене, где эвенк Паша Алтурмесов (эта небольшая роль В. Семёнова – одна из актёрских удач спектакля), тонущий в реке, обращается к богу с молитвами, «придуманными на скорую руку», а выбравшись на берег, ругает всячески бога со всеми богородицами.

Югана – мудрая женщина. Рядом с ней даже большой и умный начальник нефтеразведчиков «Якорь» со своей снисходительно-покровительственной улыбкой (артист А. Пискунов) выглядит часто наивным и беспомощным. Зная, что путь в будущее лежит через души детей, старая эвенкийка учит их добру, потому что будущее должно принадлежать лишь тем, «кого можно взять в племя Кедре, в племя Добра, с кем смело можно выйти на большую тропу» служения людям. Эта мысль очень актуальна сейчас, когда техническое могущество людей нередко обгоняет их нравственное совершенство. И в романе, и в спектакле эта проблема не сводится к противопоставлению природы и техники. Все дело в том, как сочетать то и другое. Вот о чем, говорит Югана, «думать надо!» Надо думать и о том, чтобы в условиях «второй среды» (созданной руками человека), которая облегчает и ограничивает его многофункциональные связи с природой, не притупилось в человеке ощущение своей принадлежности к природе, уважение к естеству. Мысли Юганы по этому поводу на русском языке можно было бы выразить и иначе. Но Югана – эвенкийка, и метафорический склад своего мышления адекватно перевести на русский ей не под силу. Это задача режиссёра. Видимо, языческая откровенность Юганы, настроила О. Афанасьева на натуралистическое режиссёрское решение ряда эпизодов, развивающих «женскую» тему. В такие моменты у зрителей постарше срабатывает педагогический критерий: не слишком ли много в спектакле откровений биологического порядка? Тут явно необходимы какие-то коррективы. Не мешало бы, например, приглушить заботу Юганы о наследнике вождя племени Кедре, а также опустить разговор Андроники (артистка А. Ратомская) с Соней (артистка Ю. Семенова) в бане – эпизод, мастерски сыгранный, но выпадающий из общего ритма спектакля.

Образы Лены (арт. О. Мальцева), Тани (арт. А. Буханченко), Ильи (арт. П. Куликов), деда Чарымова (арт. А. Луговиков) достаточно сильные и интересные, раскрываются в плане их прямого восхождения к пониманию ценностей человеческого духа.

Сложнее развивается характер Андрея Шаманова. Последний вождь племени Кедре ещё молод, но жизнь его плотно насыщена испытаниями. Вдумчивый, немногословный, ранимый, он переживает тяжелый душевный кризис, ведущий к мыслям о самоубийстве. Жизнь, побеждает, но из поединка с Чистым Огнем герой выходит другим человеком. Что-то из его души, как и из жизни Сибири, ушло навсегда. Смысл жизни он видит теперь в создании книги о своём поколении. За всем этим просвечивает серьёзная мысль. Именно она помогает артисту А. Лукину создать поэтический образ. Экзотика не становится у него манерностью и позой. Но

всё-таки сложная линия его героя не «прорисована» до конца, и это мешает актёру добиться большей выразительности.

Конечно, спектакль «Из племени Кедра» не безупречен. Во многих местах он не ритмичен. Эпизоды, составляющие его, разностильны, очевидна драматургическая слабость некоторых сцен (встреча Ильи с нефтеразведчиками, работа буровиков). Характеры нефтеразведчиков вообще маловыразительны и схематичны. Но это не заглушает хорошего общего впечатления. Последнему немало способствует удачное художественное и музыкальное оформление спектакля. На протяжении всех трёх действий сцена – не просто замкнутая площадка: то это ночная тайга, то высокий, наполненный ветром, простором, плеском волн, берег могучей таёжной реки, где стоит посёлок (декорации художника О. Филатовой), Тема вечности бытия и драматической напряженности каждого ее момента подчёркивается красивым вокализмом драматического сопрано, звучащим то как гимн, то как реквием. В его мелодию вплетаются звуки варгана или какого-то другого древнего инструмента кочевников, иногда шум ветра, дождя, фрагменты современных песен.

Со всем этим органично сочетается условный занавес: три подвижных «полотнища» из густо свисающих пеньковых канатов. Символика его многозначна: завеса времени, сквозь которую в сизой дымке просматриваются дали прошлого или будущего: материализованная мысль о неразрывной трудовой связи поколений.

Наверное, это очень рискованно – ставить спектакль по эпическому произведению, т. е. в смысле драматургии начинать с «нулевой ситуации». Что же, в данном случае риск оправдан. Режиссёр О. Афанасьев ощутил, какая властная сила любви к Родине владела сердцем автора романа, и сделал многое, чтобы часть этой любви прозвучала на сцене и отозвалась в сердце зрителя.